

«ОБМИЛЛИОНЕННЫЕ» ШКОЛЫ и «обстотысяченные» учителя, или Много шума и... ничего?

Марк Поташник,
*действительный член (академик)
Российской академии образования,
профессор, доктор педагогических наук*

В публикуемой статье анализ итогов реализации Приоритетного национального проекта «Образование» неполон. Конечно, многие школы и учителя получили гранты вполне заслуженно. Но если судить по публикациям и выступлениям в СМИ, приведённое в статье представляет собой вполне статистически значимые негативные факты, от которых отмахнуться нельзя. Поэтому редакция сочла необходимым опубликовать материал, чтобы названные ошибки были учтены органами образования. Ведь кризис когда-то закончится, и финансирование школ хотя бы в прежних объёмах будет восстановлено.

- конкурс нацпроектов
- инновационные гранты
- инновационные программы
- самоуправление в школе
- конкурсы
- профессиональный эксперт
- бюджетное и внебюджетное финансирование

До сих пор ни федеральное министерство, ни органы образования всех уровней так и не подвели итоги работы и не ответили на вопросы: что же конкретно дал стране Приоритетный национальный проект «Образование» (ПНПО); какие новые способы организации образовательного процесса в школах, новые технологии или методики были созданы так называемыми обмиллионенными школами; стало ли хотя бы в школах, получивших Президентский грант в 1 млн рублей, качество образования хоть в чём-то лучше?

В городах и селах страны на фасадах школ видим вывески, сообщающие о том, что школа является победителем или лауреатом Всероссийского конкурса приоритетных нацпроектов. Но как только спрашиваешь, что конкретно нового школой было создано, какой опыт и в виде какого итогового продукта, которым могли бы воспользоваться другие школы города, региона, страны, был создан, то чёткого ответа получить не удаётся. Чаще всего говорят: «Мы просто хорошо работали». А ведь победителей определяли по конкурсу именно инновационных программ, программ развития. Та же картина с учителями-«стотысячниками». Определяли по бумагам, а не по результатам того,

что нового было создано. Не удивительно, что школы — победители конкурса ПНПО везде есть, а ресурсными центрами они не стали; нет продукта, оформленного хотя бы как методпособие, где представлена была бы их работа, как говорят, «от идеи до внедрения», которую могли бы заимствовать другие школы.

Инновационные гранты за... псевдоинновации

Проанализируем ситуацию по содержанию тех якобы новшеств, за реализацию которых были выделены миллионные гранты школам и сотни тысячные премии учителям.

Чтобы выяснить это, я и коллеги обратились в более чем десять регионов с просьбой прислать темы тех самых инновационных программ, за которые были выданы гранты. Но не тут-то было! Чиновники, к которым мы обратились, сразу же почувствовали опасность и всячески стали уходить от ответа на вопрос.

Вместо формулировок тем мы получили развёрнутые объёмные отчёты о том, как отбирались школы, как присваивался статус опорной, экспериментальной или ресурсной площадки, как эта информация доводилась до сведения всех учреждений города или области (дни открытых дверей, семинары на базе школы, через сайт в Интернете, электронная почта, мастер-классы, круглые столы и пр., и пр., и пр. — несть числа). Но на нашу, казалось бы, простую повторную просьбу: «Назовите проблематику. Что нового было создано? В виде какого продукта описано и где?» ответа получить никак не удавалось.

В ход было пущено второе лукавство. Вместо ответа мне стали приводить фрагменты из моих статей, книг и лекций, где я говорил, что новшество, инновация — понятие относительное: для какой-то школы та или иная тема — прошлый опыт, достижение вчерашнего дня, для какой-то — абсолютно новое, реализация которого и позволит развиваться. Так-то оно так, и я от этого очевидного постулата не отрываюсь. Непонятно только, почему всё (я подчёркиваю — всё!), что мне прислали, всё представляло собой только известное, уже кем-то описанное и ранее опубликованное.

Более того, в массе своей темы, за которые были выданы гранты, представляли собой даже не ретро-, а псевдоинновации. Не то что бы они были разновидностями модификационных или комбинаторных новшеств (о радикальных, новаторских вообще не говорю). Они вообще инновациями не были. Это становится ясным, если судить не по модно звучащим формулировкам, а по анализу содержания. Рассмотрим их.

Огромное число тем связано с освоением того, что называется «новыми информационными и коммуникационными технологиями» (ИКТ). Но анализ представленных так называемых инновационных программ показывает: всё сводится к использованию компьютера только как ТСО, обладающего возможностями всех предыдущих ТСО, что хорошо. Только нового — такого, которое бы влияло на качество обученности детей, тут нет. Действительно, применение ИКТ решает важные задачи: делает образовательный процесс более современным, повышает уровень материальной культуры учителей и детей, социализирует их, адаптируя к прогрессу, и т.п., что, в конечном счёте, в отдалённой перспективе повлияет на общую культуру личности ученика, но прямой корреляции между использованием компьютера и качеством обученности по учебным предметам никак ещё не установлено.

А ведь темы инновационных программ школ и отчёты сформулированы так, что вышеназванная связь (корреляция) не то, что предполагается, а имеет прямой непосредственный характер и её результаты появляются уже к... концу урока, учебной четверти и выражаются ростом числа детей, успевающих на «4» и «5», что, конечно, абсурд. Использование же компьютера как интеллектуального помощника учителя, т.е. того главного, для чего он прежде всего предназначен, мы не нашли в проблематике ни одного региона России, хотя

писали об этом неоднократно (см.: «Народное образование». 2009. № 1 и № 2).

Немало школ, внедряющих так называемые инновационные программы, посвятили их актуальной (воспитательной) теме организации ученического, учительского, родительского, государственно-общественного и т.п. самоуправления. Читаем эти программы и видим везде одни и те же псевдоновшества: увеличивающееся число органов самоуправления с новыми названиями, но прежней сутью. Если раньше были советы, комитеты, бюро, то теперь их заменили на более звучные и помпезные: ассамблея гимназистов, конгресс лицеистов, школьный парламент, управляющий совет, суд справедливых, коллегия присяжных и т.п. Где-то открыли школу выращивания лидеров этого самого якобы самоуправления. Но никто не задался вопросом: «А почему в результате всех этих якобы новшеств в школе ничего не меняется? Почему, как только руководители школ отходят в сторону, предоставляя всем этим органам самоуправления возможность самостоятельной жизнедеятельности, эти органы вообще перестают что-либо делать?». И школы, получившие миллионные гранты за все эти «изобретения», прекрасно понимают, что всё это игра в самоуправление, что истинного самоуправления, которое бы стало источником рождения граждан, гражданского общества, как не было, так и нет.

Ошибка в том, что изначально всё было задумано как имитация управления, как игра, ибо никаких реальных прав (полномочий) у этих органов не было и нет. О предоставлении хоть какому-то органу самоуправления права вето хоть на какие-то решения администрации и говорить нечего. Вот почему все эти «новшества» — мертворождённое дитя, и миллионные гранты, выданные школам с этой проблематикой, выброшены на ветер.

Ещё пример. Так называемая инновационная программа посвящена превращению школы в педагогическую гимназию. По форме, по структуре в программе все части есть:

и проблемно ориентированный анализ, и концепция нового учреждения, и стратегия перехода от прежней школы к новой, и цели каждого этапа, и операциональный план действий, и даже расчёт сметной стоимости перехода (финансовый план). Нет только грамотной сути. Дело в том, что правилами отбора (приёма) детей в педагогическую гимназию предусмотрены были вступительные экзамены по физике и математике, химии и биологии, литературе и истории и т.д. — в зависимости от того, учителями какого предмета поступающие дети хотели бы стать в будущем. Глупость в том, что даже блестящие знания по названным предметам никак не коррелируют с педагогическими задатками и способностями, которые выявляются совершенно иными путями. И школа за своё «новшество» решением авторитетной комиссии получает аж два гранта по миллиону рублей в течение двух лет.

Рассмотрим теперь ситуацию с учителями-«стотысячниками». Они ведь тоже что-то изобретали. В большинстве своём в документах говорится, что учитель создал свою — авторскую — программу (предмет, тема тут никакого значения не имеют). Ошибка в том, что сам факт создания авторской программы... ни о чём не говорит: ни о хорошем, ни о плохом.

Объясним позицию. Неграмотно само словосочетание «авторская программа», ибо у всех программ есть авторы и неавторских программ не бывает. Видимо, хотели сказать «альтернативные программы». Но не только в этом дело. Сам факт, что учитель создал программу, альтернативную федеральной, ещё не говорит, что она именно этим хороша. Я понял бы выделение денег на реализацию проекта, потенциальная грамотность и эффективность которого подтверждена серьёзными экспертными заключениями. Но ведь 100 тысяч выдавались как безотчётная премия учителю. А значит, речь могла идти не о проекте, а о проведённом, законченном эксперименте по этой так называемой авторской программе,

и результаты, полученные в ходе сравнительного эксперимента, должны были показать, что дети, учившиеся именно по альтернативной программе, имеют лучшие знания и умения по сравнению с теми, кто учился по традиционной программе. Нигде мы такого сравнительного анализа не нашли, а только сам факт наличия программы, подготовленной учителем, был основанием для получения гранта. Абсурдность такого подхода очевидна.

Чтобы до конца понять карикатурность ситуации с учительскими грантами, приведу показательный диалог, в котором я участвовал:

— Познакомьте меня с сильным, высокопрофессиональным учителем в вашем городе. Из числа тех, что получили стотысячный грант.

— Вас кто интересует: тот, у которого самые высокие результаты обученности или у кого наиболее яркие открытые уроки?

— ???... Не понял.

— Ну, вот у нас есть учительница математики. Все её выпускники подтвердили свои четвёрки и пятёрки и поступили в самые престижные вузы страны: мехмат МГУ, МФТИ, МИФИ, МГТУ им. Баумана и т.д. Но на её уроках вы увидите только её саму, мел и тряпку, а использования компьютеров, интерактивных досок, flash-технологий и т.п. — этого у неё нет.

— А те, у которых всё это можно увидеть, их выпускники не подтвердили свои знания при поступлении в вузы?

— Ну, как вам сказать? В основном всё-таки подтвердили, но... результатами ЕГЭ и не в вышеназванные вузы повышенного уровня.

Кого «обмиллионили» в первую очередь

Журнал «Народное образование» писал, как в большом городе из двадцати одной квоты миллионный грант в 2006 г. получили девятнадцать лицеев и гимназий. Стали изучать вопрос в других территориях, и везде оказалась та же картина. Каковы же основания столь однобокого отбора школ, внедряющих иннова-

ционные программы? Дело оказывается не в том, что программы развития лицеев и гимназий содержали что-то действительно новое и социально ценное (в суть программ никто не вникал), а в том, что в России с чьей-то лёгкой руки эти учреждения изначально назвали и до сих пор считают инновационными. И, как оказалось, прежде всего, члены экспертных комиссий. Что же на самом деле?

Более десяти лет назад эти учреждения действительно готовили и работали по программам системного преобразования (развития) своих школ в гимназии, лицеи, центры образования. Сейчас же — десять и более лет спустя — они работают в режиме стабильного функционирования, т.е. без разработки и освоения каких-либо новшеств, без проведения экспериментов. Таким образом эти учреждения получили свои миллионы за инновационные преобразования, но... десятилетней давности. И это при том, что внебюджетные фонды лицеев и гимназий всегда значительно больше, чем в любой школе; это при том, что учить мотивированных и интеллектуально продвинутых детей легче, чем обычных.

Более того, поскольку запрета на участие в конкурсе уже раз победивших и получивших миллион рублей не было, а критерии отбора в массе своей — традиционные показатели образовательной деятельности (проценты учившихся на «4» и «5», медалисты, поступившие в вузы, олимпиады и т.п.), то побеждали и в 2006, и в 2007, и в 2008 гг. преимущественно те же лицеи, гимназии, центры образования, в которые и так вкладывается больше денег и в которых всегда есть немалые внебюджетные средства. Многие из этих учреждений, как их называют, повышенного типа подавали документы дважды и даже трижды, и некоторые получали миллионные гранты ТРИЖДЫ. Причём под одну и ту же программу, а отчитывались ежегодно за отдельный этап её реализации.

Как всё это можно понять? И пусть теперь эти дважды и трижды «обмиллионенные» не обижаются, когда возникает вопрос «А за что такие развращающие преференции?». И это при том, что обычным школам не хватает денег на мел, на учебные пособия, на мебель, на туалетную бумагу, на нормальное питание детей, на укрепление их здоровья; при том, что, по данным Рособразования, 93% школ страны не располагают анти-террористическим оборудованием (особенно в республиках Северного Кавказа, будто Беслана не было), а 25% школ не имеют даже противопожарного оборудования.

А судьи кто?

Естественен вопрос: «Кто отбирал проекты как якобы достойные и принимал решение о выделении им миллионных грантов за псевдоинновационные программы?». Ведь, как мне объяснили в регионах, комиссии состояли только из уважаемых людей. Давайте разберёмся в этом непростом вопросе не на уровне эмоций, а по существу. Не очень понятна характеристика экспертов «уважаемые люди». По каким признакам эта «уважаемость» определялась и является ли «уважаемость» свидетельством профессиональной компетентности?

Мы специально изучали состав региональных комиссий. Ну, начальники-чиновники региональных министерств, департаментов, управлений — понятно. (Вы много встречали в России хорошо образованных, эрудированных чиновников?) Кто-то от совета директоров, кто-то из доцентов вузов, кто-то от профсоюзов, кто-то от правоохранителей, кто-то от ветеранов — правильно. В ряде регионов эти комиссии намеренно сделали многочисленными. Видимо, для объективности, демократичности, открытости. Возможно, всё это правильно. Возможно!

А возможно, и нет!! Я хочу спросить у практиков: «Вы нынче много встречали людей с учёными степенями, которые бы по-

трясли вас своей образованностью, эрудированностью?». Если учесть, что продажа диссертаций поставлена на поток (вплоть до объявлений в Интернете), что по стране «гуляют» десятки тысяч липовых дипломов, то... А участие начальников, безгласных профсоюзов или ветеранов педагогического труда — это гарантия грамотных решений?

«Не могут комиссии, состоящие из такого большого числа людей, совершать грубые ошибки», — говорят мне оппоненты. Но истина никогда и нигде не определялась большинством голосов, и нам пора бы сделать выводы хотя бы из нашей новейшей истории. Вспомним Первый съезд народных депутатов СССР (1989 г.), двадцатилетие которого недавно отмечала страна. Шесть с половиной тысяч делегатов съезда, казалось бы, лучшие люди страны, как мы видели, захлопывали, затопывали, засвистывали, кричали, требовали удалить с трибуны Андрея Дмитриевича Сахарова, не давали ему говорить. А он всего-то пытался объяснить этим уважаемым людям безнравственность афганской войны, бессмысленность гибели тысяч сыновей, мужей, отцов — наших с вами соотечественников. И он один был прав, а те шесть с половиной тысяч депутатов — ошибались.

Так и в наших комиссиях по выделению миллионных грантов: нужен был всего лишь один профессиональный эксперт, который помог бы комиссиям отличить, где псевдоинновация, где ретроинновация, где новшества модификационного, где комбинаторного типа (т.е. имеющие аналоги), а где новшества радикального (новаторского) типа, которые не имеют ни аналогов, ни прототипов. Компетентность экспертизы — серьёзная проблема любой страны, и Россия тут — не исключение.

Вероятность ошибки в решении комиссий снимается не числом членов комиссии и их общественным статусом, а только грамотной экспертизой. А вот вероятность необъективности, коррупционности,

пристрастности может быть уменьшена сообществом уважаемых людей в этих комиссиях, если каждый из них принципиален и не боится возражать властям от образования.

«Что вы злобствуете?»

Прежде чем опубликовать, я обычно рукописи своих статей даю на рецензирование потенциальным читателям. Увидев заголовок статьи, многие из них сразу же заняли критическую позицию: «Школам всегда денег недодавали. Так порауйтесь, что хоть кому-то что-то перепало. Что вы злобствуете?».

Я действительно недоволен ситуацией. А злобствую я или нет — пусть судят читатели журнала.

Принципиально то обстоятельство, что все миллионные гранты выплачивались школам — победителям конкурса, из средств госбюджета. А это деньги особые — деньги налогоплательщиков, то есть наши с вами, деньги родителей учащихся.

Уверен, никто не станет отрицать, что всем детям России государство обязано обеспечить равные возможности получения качественного образования, тем более что оно по закону обязательное. Главная гарантия этого обеспечения — бюджетное финансирование, которое в первую очередь должно создать всем без исключения школам условия для полноценного функционирования (о развитии пока речь не ведём). Но ведь этих условий для очень многих не было и нет: в тысячах школ нет тёплых туалетов (как говорят, «удобства во дворе»), не хватает учебников, годами нет учителей-специалистов по ряду предметов, нет спортивных залов, нет столовых и т.д. Во многих населённых пунктах, где живут дети, нет... самих школ (их закрыли из-за нехватки бюджетных средств), и дети не учатся потому, что автобус не может их отвести в школу весной и осенью (из-за отсутствия асфальтированных дорог). Даже после того, как в нескольких школах сгорели дети, для сотен детских учреждений не нашлось денег на пожарную сигнализацию (предписание есть, а сигнализации как не было, так и нет).

Передо мной пачки писем. Директор школы из Кировской области (30 лет директорского стажа, заслуженный учитель РФ): «При нынешней системе подушевого финансирования ни одна малочисленная сельская школа России никогда не будет иметь денег, чтобы купить интерактивную доску». Педагог из Удмуртии (заслуженный учитель, «сто-тысячник»): «Я проработал в своём кабинете 35 лет, и за это время у меня ни разу не обновляли парты и стулья. Я 35 лет их ремонтирую, подклеиваю, чиню вместе с детьми ежегодно. У нас сменилось пять заведующих РОНО, семь директоров школ, и все говорят одно и то же, что денег на мебель нет. В каком доме стулья выдержат 35 лет, а это ведь школа, дети...».

По признанию Президента РФ (после обрушения школы в Оренбургской области, где погибли дети), МЧС выяснило, что более тысячи школьных зданий в стране находятся в аварийном состоянии. Вы бы хотели, уважаемый читатель, чтобы ваши дети и внуки учились в этих школах? Так как же можно выделять из бюджетных денег миллионные гранты кому-то на развитие, на награды, если нет условий для полноценного функционирования всех школ страны?

Мои оппоненты возражают: «Да поймите же, задача ПНПО — прорыв к новому, поддержка инноваций. Это сейчас важно для страны, для развития образования. А вы про латание дыр. Непрогрессивный у вас взгляд...».

Я действительно не понимаю, как можно выделять одним школам миллионные гранты, на которые они, не зная уже, что ещё купить, обновляют банкетки в вестибюлях на более эстетичные и с современным дизайном, приобретают второй, третий стационарные компьютерные классы, когда в других школах этого же региона есть один компьютер на всю школу, и Управление образования оплачивает Интернет только два

дня в неделю по два часа? Как можно продолжать учить детей в аварийных зданиях, как можно из-за вынужденной экономии закрывать школы, так что дети месяцами вообще не имеют возможности учиться, когда другим школам из этого же бюджета дают немалые деньги на дальнейшее развитие?

«Вы стоите на позициях уравнилительной справедливости. Мы уже это проходили», — возражают мне. «Нет, — отвечаю я, — я против уравниловки, я различаю уравнилительную и социальную справедливость. Просто я убеждён, что бюджетные деньги могут тратиться на премии и инновации, но только когда всем детям — гражданам России — будут обеспечены равные возможности для получения качественного среднего образования. Это их конституционное право.

А награды, деньги на развитие, на инновации можно и сейчас выделять, но из внебюджетных фондов. Можно и из бюджета, но только после того, как равные права на образование будут обеспечены всем российским гражданам.

И в заключение раздела — факт, а они, как говорят, упрямая вещь. Бывал и сейчас бываю у наших соседей в Украине и в Белоруссии. Да, и отношение властей там к нашей стране не лучшее, и политические процессы сложные, и транзит газа и нефти — болевая точка, создаёт проблемы для нас и других стран. Но посмотрите сейчас у наших соседей-братьев школы в большом или малом городе, на селе, на хуторе — где угодно. Они ухоженные, все с тёплыми туалетами и канализацией, компьютерами, столовыми и оснащёнными спортзалами. Потому что там отношение к образованию действительно более приоритетное, чем в нашей стране с её несметными природными богатствами.

Так что как не злиться, если в нашей Конституции написано одно, а в жизни — всё другое?

И не скрою, ещё одно вызывает во мне злость: это безграмотность властей, что, в свою очередь, вызывает чувство досады за страну. Слушаю выступления чиновников — государственных(!!!) служащих: восторгаются тем, что в ходе реализации ПНПО столько деньжищ вбухано в школы, называют якобы несметное число (цифры с девятью нулями), не понимая, что:

- во-первых, это — мизер по сравнению с тем, что требуется хотя бы для нормального функционирования (расходы на образование составляют в Бельгии — 6% ВВП, во Франции — 5,8% ВВП, в США — 5,3% ВВП. У нас — 3,7% ВВП);

- во-вторых, непонятно, почему проект называется приоритетным, если в каждом из трёх лет, когда выделялись миллионные гранты, их получали только 1,6% школ (термин «приоритет» ведь означает преобладание);

- в-третьих, выделять деньги на развитие при тех механизмах, которые были в 2006–2008 гг., — это всё равно, что закачивать золото в море и ожидать скорого прироста добычи рыбы. Механизмы влияния денег на улучшение качества образования гораздо сложнее, и потому никакого роста качества хотя бы просто обученности (о качестве образования я не говорю), как показали результаты даже пресловутого ЕГЭ, ожидать бессмысленно.

На что стоило потратить президентские гранты

Поскольку хочется надеяться, что кризис когда-то закончится и школам вновь начнут возвращать долги, напомним и чиновникам всех уровней, и читателям — руководителям школ — несколько точек зрения авторитетных людей, хотя все они жили в разное время, имели разные мировоззренческие позиции, но все хорошо знали Россию.

«Учитель живёт до тех пор, пока он учится. Как только он перестаёт учиться, в нём умирает учитель». (К.Д. Ушинский)

«Действительная польза среднего образования для всей жизни и для прохождения высших учебных заведений весьма сильно зависит от качества учителей, то есть от их влияния на учеников, а не от одного количества предметов и не от числа учебных часов... В заботах о подьёме нашего среднего образования начинать необходимо отнюдь не с программ, а с подготовки надлежащих учителей...». (Д.И. Менделеев)

«Школа — это только и всецело учитель: учитель — во-первых, учитель — во-вторых, учитель — в-третьих, и только в-четвёртых ещё что-нибудь, ну, там программа, штат, какое-нибудь здание». (В.В. Розанов)

Ну, и вспомним не потерявшие своей актуальности и сегодня слова непопулярного нынче классика, адресованные ученикам Каприйской школы: *«...всякий «контроль», всякое «руководство», всякие «программы» и «уставы» и проч., всё это звук пустой по отношению к составу лекторов. Никакой контроль, никакие программы и т.д. абсолютно не в состоянии изменить того направления занятий, которое определяется составом лекторов».* (В.И. Ленин)

И упрёк здесь адресован не только высоким лицам из министерства. Попросите директора рассказать о своей школе и тут же услышите: у нас столько-то компьютерных классов, интерактивные доски, у нас не просто столовая, а великолепное молодёжное кафе, актовый зал со всей современной радио- и световой аппаратурой для проведения шоу, бассейн, комнаты релаксации, в каждом кабинете — пульты централизованного управления любыми ТСО и т.д. И никто с гордостью не скажет: *«У меня в школе все учителя — профессионалы высокого класса, эрудированные, мастера своего дела, любящие свою работу и детей».*

Зато на мой вопрос *«А есть в школе хоть один никудышный учитель?»* всегда слышу унылое: *«Этого «добра» навалом».*

И заметьте: было огромное число ограничений на приобретение того или иного оборудования, пособий, мебели, но на повышение квалификации учителей — никаких ограничений, препятствий. О чём всё это говорит? О безграмотном управлении отраслью на всех уровнях — от федерального до школьного.

Что же в сухом остатке?

Давайте вспомним, что происходило в системе образования страны в 2006 г., когда, в кои веки, было объявлено о якобы приоритетном финансировании школ и учителей. Вспомним, как все, кто имел право и кто его не имел, начали требовать от школ информацию и отчёты с обоснованием, как будут израсходованы деньги, если школа получит Президентский грант. Подразделения КРУ, Счётной палаты, казначейство, прокуратура, МВД, ФСБ, бухгалтерии, департаменты и управления образования всех уровней вели себя так, будто в школах работают только казнокрады и расхитители государственных средств, и потому необходим жёсткий контроль за школами. Вспомним, сколько раз заставляли переписывать документы, сколько требовали обоснований, выполнения казуистических требований по форме представления этих обоснований, сколько было выступлений в печати и на телевидении, на совещаниях, конференциях, сколько восторгов от выделенных на развитие школ сумм рублей с девятью нулями, сколько надежд, сил и времени работниками образования было забрано от основного — от работы с детьми. В общем, шума было очень много, и вряд ли кто-то станет это отрицать. А что в итоге?... **НО**